

Ближкий и далекий

Сегодня — 125 лет со дня рождения С.В. Рахманинова

Русский телеграф. — 1998. — 7 апр. — с. 1.

● Про крайних ретроградов иногда говорят: «Он признает музыку не дальше Рахманинова». Их оппоненты, высокомерно глядя на них, выучились глядеть так же высокомерно и на самого Рахманинова. Нашему великому соотечественнику, родившемуся в 1873 году в России и умершему в 1943-м в Америке, выпала роль последнего оплота музыки XIX века в веке XX. Сегодня, когда консерватизм снова в чести, фигура хранителя прекрасного, фиксажа-закрепителя давно порушенных ценностей может оказаться незаменимой.

С другой стороны, так ли уж это важно? Ведь на отсутствие популярности музыка Рахманинова, играсмая через два концерта на третий, и так пожаловаться не может. В эти дни в Москве и других городах России — повсюду идут юбилейные концерты, фестивали и специальные проекты: что ни день, то либо фортепианный вечер, либо «Колокола», или Рапсодия на тему Паганини, а впереди целый оперный променад в консерватории, где сиротливая опера «Франческа да Римини» будет испытываться уже третьим подряд исполнительским составом.

Вполне возможно, какие-то из этих концертов принесут и исполнительские, и смысловые открытия. И все же нашему времени пробиться к истинному Рахманинову неимоверно сложно.

Другой великий традиционалист и современник Рахманинова, Рихард Штраус, вошел в XX век своей литературно-художественной, поэтической стороной, с ним носился театр; в Рахманинове же не было ничего кроме музыки — и закономерных сюжетов, наподобие «Острова мертвых»; по этой же причине он должным образом не проявил себя в оперном жанре. В чистой музыке композитор Рахманинов, конечно, был великим мастером: достаточно взять крупные симфонические произведения (особенно поздние) или «Всенощное бдение» — высококультурную версию традиционной ли-

тургии. И все же славен он не этим, а стихией рояля.

Главной частью рахманиновской музыки был пианизм — и сам он как пианист до сих пор остается непревзойденным гением. Впитав в себя салон Шопена и мекфистофельское лицедейство Листа, он создал законченную форму эстрадного концертирования — законченную потому, что его предшественникам не суждено было сохраниться в записях, а среди современников ему равны были лишь Иосиф Гофман и Владимир Горовиц. Искусство монументализированной эстрадности просуществовало не более чем до середины века; модернизм в лице Гульда, Рихтера, Микельанджели растоптал его вконец. Рахманинова продолжали играть, и часто прекрасно, — но смысл его фортепиан-

ных полотен оказался утрачен вместе с манерами прошлого.

Текст произведений Рахманинова — лишь текст, вне эталонной манеры своего исполнения скучный и выдохшийся, как газированная вода, оставленная без крышки. Как же его теперь играть? Наверное, возможно своеобразней, думая лишь о букве и не пытаясь вызвать ушедший дух, находя в нотах лишь чистый уртекст, пригодный для создания индивидуальных концепций, — но для этого надо иметь столько внутренней независимости, сколько было у старого Горовица. Или наоборот — пробовать идти по аутентичному руслу.

В последние годы историческое исполнительство, освоив музыку барокко, Моцарта и Гайдна, распространилось на романтизм XIX века. Сегодня аутентичным образом уже играют

Берлиоза и Брамса, находя в исторических свидетельствах основания исполнительским решениям. В случае Рахманинова таких исторических свидетельств искать не придется — есть его записи. Возродить стиль утонченной эстрады начала XX века сейчас — задача не менее достойная, чем научиться играть странную музыку на натуральных инструментах. Задача, возможно, невыполнимая. Но проникнуться ею сейчас, когда Рахманинов, кажется, будто создан лишь для того, чтобы его на каждом углу мусолили амбициозные студенты, полезно. Хотя бы для того, чтобы признаться себе самим — никогда еще мы не были столь далеки от настоящего Рахманинова, чем в дни его 125-летия.

ПЕТР ПОСПЕЛОВ